

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛЕГ МУШИНСКИЙ
**КРОНШТАДТСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Олег МУШИНСКИЙ

КРОНШТАДТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

(Следствие ведет Ефим Кошин)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ФЛЮИД

FreeFly

Москва, 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)
М83

Составитель серии *А. Лидин*

В книге использованы иллюстрации
Джозефа Клементя Колла (1881—1921)

Мушинский О.

М83 Кронштадтский детектив. — М.: ИД «Флюид
ФриФлай», 2019. — 400 с.

Олег Мушинский — современный российский писатель, работающий в жанре исторического и фантастического детектива. Лауреат премии «Электронная буква — 2018».

Действие «Кронштадтского детектива» происходит в начале XX века. Агенту сыскальной полиции Ефиму Кошину предстоит раскрыть загадочные, на первый взгляд, даже мистические преступления, и раскрыть быстро. Из столицы прибыл инспектор Гаврилов, чтобы оценить эффективность работы сотрудников кронштадтского отделения сыскальной полиции.

ISBN 978-5-906827-71-5

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

КРОНШТАДТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Часть первая

МАЯК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В РОССИИ ИНСПЕКТОР всегда прав.

Вот в Европе он — человек маленький. Довелось мне по случаю бывать в Англии, так у них в Скотланд-Ярде инспектор всего на один ранг старше сержанта. Мелкая сошка, чего и говорить. У нас же в России всё наоборот.

Маленький человек, став инспектором, сразу превращается в гиганта. Инспектор из Санкт-Петербурга выступает, словно колосс, и все вокруг него кажутся скромными букашками, которых он того и гляди раздавит. Ну а инспектор, назначение которого утвердил самолично государь император, и вовсе человек-гора!

Надо сказать, что Вениамин Степанович Гаврилов и без императорского назначения выглядел как гранитная скала: под два метра ростом, крепкий и широкоплечий, а сверх того абсолютно лысый. Его костюм-тройка, рубашка под ним, галстук, ботинки и даже зонтик — всё это было одинакового темно-серого цвета. Говорил Вениамин Степанович так уверенно, словно бы опирался на несокрушимую стену из аргументов. Причем когда этих аргументов не было, всё равно казалось, будто бы они были, просто еще не прозвучали.

Вот и в этот раз он уверенно сказал:

— Это, Ефим, убийство. Тщательно продуманное убийство.

И, разумеется, оказался прав.

ДЛЯ МЕНЯ ЭТА история началась за день до убийства. Если быть совсем точным, то в ночь на седьмое октября 1908 года. В этот день, примерно в половину первого на окраине Кронштадта обокрали дом Фроловых. Добычей вора стало столовое серебро общей стоимостью рублей на сто и скатерть со стола. В ней он, по всей видимости, унес краденное.

Унёс недалеко. Городовой Матвеев, подоспев на крик: «Держи вора!», увидел убежавшего от дому мужчину. Догнать он его, к сожалению, не смог, но рассмотреть сумел. Вор был невысокий и худой — Матвеев употребил слово «плюгавенький» — и никакого свертка в руках не держал. Более того, с этим серебром он вряд ли сумел бы развить такую прыть. Матвеев-то у нас бегун известный, даже призы выигрывал. Удрать от него с грузом — затея безнадежная.

Собственно, от него и налегке редко кому удавалось сбежать. В этот раз вору, можно сказать, повезло. Он с ходу через забор перемахнул, а Матвеев там замешкался. Ненадолго, но этого времени хватило, чтобы беглец успел скрыться в темноте. Однако, опять же, сгнать через забор лучше налегке.

Вот так по всему и выходило, что вор припрятал добычу где-то неподалеку. Отсюда идея с засадой напрашивалась сама собой. Тем же вечером я изложил ее Вениамину Степановичу, тот минуту подумал и сказал:

— Действуйте, Ефим.

Я спросил, будут ли какие-нибудь указания, и услышал в ответ фразу, которую мне потом доводилось слышать излишне, на мой взгляд, часто:

— Напоминаю вам, Ефим, что я приехал в Кронштадт для того, чтобы инспектировать вашу работу,

а не делать ее за вас. Вы ведь, согласно платежной ведомости, агент сыскной полиции, а не мальчик на посылах. Вот будьте любезны соответствовать.

Я сказал: «Слушаюсь!», и отправился соответствовать.

По правде говоря, дом Фроловых не выглядел так, будто бы там можно было чем-то серьезно пожить. Нет, конечно, это была не хибара, а деревянный дом в два этажа, но он точно знал лучшие времена. К дому примыкал маленький дворик. Там были туалет, колодец и дровяной сарай с покатою крышей. Ее-то я и выбрал в качестве наблюдательного пункта.

С крыши был отлично виден вход в дом, весь двор и часть улицы поверх забора. Сам забор изрядно покосился и местами держался исключительно с опорой на сорняки, которые вымахали с него ростом. Бороться с ними тут было некому. В домике обитали две сестры-старухи — обеим далеко за девяносто — да племянница их Катерина двадцати лет отроду. Девушка была симпатичная, но такая худенькая, что я совершенно не представлял ее с косой в руках. Она, судя по сорнякам, тоже.

Зато я очень хорошо представлял себе, что именно легкомыслие девушки навело на дом преступника. Матвеев описывал его как прилично одетого человека: костюм, галстук, который на бегу наружу выбился, начищенные до блеска ботинки. Последнее городской заметил, когда лихоимец перемахнул через забор перед самым его носом. Такой человек больше походил на гостя, чем на вора.

Правда, сама Катерина визит ночного гостя с жаром отрицала, однако ее горячность убедила меня только в одном: тот был для нее человеком не случайным и девушка все еще надеялась на возвращение вороватого визитера. Я не стал ее разочаровывать, тем более что и сам на это очень рассчитывал.

Едва стемнело, я устроился на крыше. С улицы, получив строгий наказ без команды носа не высовывать,

меня прикрывали трое городских, не оставив вору ни единого шанса на повторное бегство.

Вскоре после полуночи в дверях появилась Фекла Ильинична — младшая из двух сестер. В руках она держала лопату.

— Ну и ну, — не удержавшись, прошептал я, после чего мысленно поздравил себя с быстрым раскрытием дела.

Воровато оглянувшись по сторонам, бабка засемила к забору. Я подобрался. Спустя час выяснилось, что поздравления были преждевременны. Бабка прошерстила все сорняки вдоль забора от угла дома почти до самого сарая, но без всякого видимого результата. Наконец, терпение у нее лопнуло — от моего к тому времени тоже мало что осталось — и, бросив в сердцах лопату на землю, старуха ушла обратно в дом.

Я разочарованно вздохнул и уставился в ночное небо. По небу плыли тучи, похожие на тени огромных аэростатов. Сами аэростаты, а вместе с ними и мои мысли, были в далеком Берлине. Там сегодня должен был состояться финал международного перелета воздушных шаров. Тридцать два аэростата из разных стран, и только меня там не было! А у меня бы, небось, шар не лопнул на высоте, как у тех бестолковых испанцев. Я снова вздохнул, и замер...

С улицы послышались шаги. Я осторожно выглянул. У калитки остановился мужчина. Лунный свет едва пробивался сквозь тучи, и мне удалось разглядеть лишь то, что он был среднего роста и носил широченное пальто с белым меховым воротником.

Мужчина вытащил из кармана то ли монетку, то ли пуговицу, и бросил ее в окно на втором этаже. Тихо звякнуло стекло. Метательный снаряд упал в сорняки под домом. Я склонен считать, что это всё-таки была монетка, поскольку мужчина не поленился залезть в сорняки и, чертыхаясь, отыскать там свою потерю. Для вернувшегося за добычей вора он вел себя малость шумнова-

то, да и комплекцией никак не подходил под описание, которое дал мне Матвеев.

Спустя минуту из дома выскользнула Катерина. Она выскочила за калитку и, прикрыв ее за собой, прижалась к ней спиной. Мужчина с грацией контуженного медведя скакнул к девушке. Минут десять они шептались. Точнее, шептала в основном Катерина. Мужчина, когда ему представлялся шанс вставить слово, бубнил что-то себе под нос и смешно пожимал плечами — вначале левым, потом правым. Затем Катерина вновь скрылась в доме. Мужчина громко вздохнул и, понуриив плечи, побрел прочь. Я проводил его взглядом и вытащил из кармана часы. Было ровно два часа ночи.

На крышу сарая запрыгнул серый кот. Заметив меня, он возмущенно мявкнул и в два прыжка перебрался под крышу. Я подумал, что это не такая уж плохая идея — начал накапывать мелкий дождик, — но тут вновь появилась Фекла Ильинична.

На этот раз бабка держала в руках керосиновую лампу. Стекло лампы было замотано тряпкой, но спереди оставалась щель, превращая лампу в подобие фонаря. Фитиль едва горел, и свет был неяркий. Бабка определенно не хотела, чтобы ее кто-то заметил.

— Ну что, Фекла Ильинична, — прошептал я. — Вспомнила, где лежит серебро?

Поначалу казалось, что да. Бабка первым делом отыскала лопату и решительно направилась к туалету. Она подступила к этому невзрачному домику с таким энтузиазмом, с каким, наверное, начинающий археолог раскапывал свою первую египетскую гробницу. Вот только сокровищ там не оказалось.

Отставив лопату к стене, бабка окинула взглядом двор и с не меньшей решимостью переключилась на кусты смородины. Те мирно соседствовали с сорняками у забора, и в темноте я не мог разобрать, где начинались одни и начинались другие. Бабка, подсвечивая себе лампой, начала шерстить исключительно смородину.

Я ждал. Бабка шуршала в зарослях не меньше четверти часа, и нашла там свой радикулит. Так и уползла в дом, согнувшись, ведьма старая.

Едва она скрылась в доме, в небесах окончательно потемнело, загремело и налетел такой ветер, что я запросто мог улететь в Берлин своим ходом и даже поспел бы к финалу небесных соревнований.

С каждым новым шквалом мне казалось — вот теперь точно унесёт! Вместе с крышей. Я уж, грешным делом, представлял себе завтрашние заголовки в газетах: *«Ефим Кошин летал по небу будто ангел»*. Или не ангел. В своем черном плаще я бы, скорее, сошел за беса, да и бабка моя всегда про меня говорила: «худой как чёрт». В общем, все зависело от настроения газетчиков.

Могли бы, к примеру, и такое написать: *«Ефим Кошин проплыл рекордную дистанцию на крыше сарая»*. Дождь такой хлынул, будто бы кто-то наверху решил, что настало время второго потопа и этот дождь — единственный, кто отвечал за его водоснабжение. Поливал так, что я подчас чувствовал себя не только пловцом, но и ныряльщиком. Особенно ближе к утру. Помнится, за день до этого я читал в газетах про американский экипаж, который вместе со своим воздушным шаром упал в море, и газеты от души позубоскалили над едва не утопшими воздухоплавателями, так сказать, наглядно показав, что было бы, попадись я им на карандаш.

Вот чего бы они точно не написали, так это: *«Кража столового серебра у Фроловых раскрыта»*. Вор, к сожалению, не воспользовался возможностью вернуться под шумок за добычей. То ли затаился, то ли махнул рукой на столь скудный улов. Когда буря утихла, а на востоке забрезжил рассвет, я стёк с крыши на улицу.

Рядом, словно бы из ниоткуда, возник городской Матвеев.

— Рановато ты, — сказал он. — А хотя какая разница? Не придет он. Хотел бы, давно бы наведался.

— Что значит: рановато? — удивился я и обернулся.

На востоке было темно. Должно быть, я принял за рассвет последнюю молнию уходящей бури, но лезть обратно, на мокрую крышу, не было никакого желания. В борьбе с собственной совестью я положился на монетку. Подбросил, поймал — выпала решка, и я махнул рукой.

— Да, наверное, — ответил я городовому. — Тоже думаю, что не придет, но вы с ребятами всё-таки присматривайте за домом. Мало ли что.

Матвеев кивнул. Мол, конечно, само собой.

— Ну, тогда бывай, — добавил я и побрел докладывать, что идея с засадой оказалась неудачной.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НАД городом занимался настоящий рассвет. Дождь всё еще накрапывал, но уже редкий и мелкий. С деревьев за ночь облетели последние листья. Вдоль по Соборной улице их прибило к тротуару, и получилась узенькая золотая тропинка на безысходно-черном фоне. Трава на газоне зеленела по-прежнему, будто еще на что-то надеялась, вопреки календарю. Ветер сгонял тучи прочь, расчищая путь солнечным лучам. Точь-в-точь наш дворник. Тот тоже, бывало, всю ночь куролесил, а утром глядишь — как ни в чём не бывало исправно мёл себе двор.

На улицах было немногочленно. Большею частью всё те же дворники спешили прибрать учиненный природой беспорядок. У Гостиного двора двое торговцев торопливо перебрасывали с повозки свой товар под крышу. Рядом, лениво поглядывая по сторонам, скучал пузатый городской.

За углом я свернул в сквер, и там мне навстречу попался какой-то оборванец. Он явно спешил, хотя еле переставлял ноги. Поначалу я принял его за нищего. За сквером возвышался Андреевский собор, где служил отец Иоанн, и эта братия всегда подтягивалась к его выходу. По времени, кстати, он скоро должен был быть, но оборванец шел не к собору, а от него.

Едва мы с ним разминулись, как впереди кто-то взвыл. Звали на помощь. Кричали, скорее всего, не у собора, а чуть левее, около канала, но за изморосью я никого там не разглядел. Оборванец, втянув уши в плечи, торопливо засеменял прочь.

Высматривая, кому там понадобилась помощь, я поспешил к каналу. Как оказалось, кричала совсем юная барышня. Одета она была явно не по погоде: легкая шляпка, белое платье и кофточка поверх него. Последняя, промокнув под дождем, больше походила на подтаявший снег, который прилип к статуе в парке, чем на предмет гардероба. Сходство тем более усиливалось, что барышня застыла у ограды совершенно неподвижно. Вцепившись в чугунную решетку, она напряженно всматривалась вниз.

Что тут стряслось, спрашивать не потребовалось. Рядом с барышней на ограде висела белая рубашка. Ветер вяло трепал мокрые рукава. Под оградой прямо в луже валялись брюки. Поверх них — видимо, чтобы не уплыли — стоял сапог. Второй сапог, точно забытый часовой, понуро мок у самой ограды. На углу я заметил темно-зеленое полупальто. Хозяин одежды, по всей видимости, плескался сейчас в канале. Барышня, казалось, была готова нырнуть туда же.

— Стойте! — заорал я.

Барышня стремительно повернулась.

— Боже мой! — воскликнула она. — Скорее!

Барышня бросилась мне навстречу, но тотчас споткнулась и упала. Шляпка слетела с ее головы. Я успел заметить золотистые волосы, которые обрамляли лицо подобно ангельскому ореолу, но как следует разглядывать ее, увы, было некогда.

Из канала донесся хриплый вскрик, за которым последовал плеск. Я подскочил к ограде и успел заметить две руки, уходящие под воду. Барышня начала подниматься на ноги. Бедняжку так шатало, что она в любой момент могла грохнуться в обморок. Опираясь

о мостовую левой рукой, барышня протянула ко мне правую.

— Оставайтесь там! — скомандовал я, торопливо сбрасывая одежду.

Стоило мне снять плащ, как холодный ветер сразу пробрал меня до самых костей. Я поежился и скинул сапоги. Когда вслед за ними последовали брюки, барышня тактично отвернулась. В этот момент руки вновь появились над водой, а вслед за ними на поверхности показался их обладатель — юноша с курчавыми, как у барышни, светлыми волосами.

— Держись! — крикнул я ему, перебираясь через ограду.

Канал ограждала высокая решетка с острыми наконечниками. По счастью, некоторые прутья отсутствовали. Зачем горожане с упорством, достойным лучшего применения, регулярно их выпиливали — до сих пор не понимаю — но конкретно в тот момент я был благодарен этим безвестным вандалам. Выдохнув, я одним рывком протиснулся на ту сторону. Юноша вскинул руки над головой и так быстро ушел под воду, словно бы кто-то утянул его снизу. Я нырнул следом.

Надо заметить, что октябрь у нас в Кронштадте — далеко не купальный сезон, а в этом году осень выдалась на редкость холодной. По утрам стоял такой колотун, словно природа уже репетировала зиму. Вода в канале оказалась просто ледяная, да еще и грязная. Ничего не видно! Искать тут можно было только на ощупь, а на ощупь я нашел лишь дно — илистое и ровное. Вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, я увидел, как барышня показывала мне руками через прутья — мол, он где-то там!

Увы, но и на «где-то там» результат оказался тот же самый. Повезло мне только на пятый раз, да и то, по правде говоря, случайно. Я всплывал на поверхность, потеряв всякую надежду спасти бедолагу и подумывая, что надо бы выбираться отсюда, пока сам

не окочурился, когда я зацепил чью-то руку. Тонкая, с маленькой ладонью, она вполне могла принадлежать девушке. Молясь, чтобы это оказалась не барышня, нырнувшая-таки в канал, я потянул найденное тело наверх.

К счастью — хотя какое уж тут счастье?! — барышня по-прежнему металась в панике за оградой. Рука принадлежала юноше. Бедолага был бледен и, казалось, уже не дышал. Остекленевшие глаза смотрели в никуда. Я встряхнул юношу — насколько, конечно, можно было встряхнуть его в нашем положении — но абсолютно без толку.

Взгляд по сторонам прибавил моему настроению минорности. По обе стороны от меня вставали облицованные гранитом стены. Ровные, гладкие и очень высокие. Взобраться по ним без посторонней помощи лично мне представлялось задачей непосильной.

— Эй, внизу! — раздался зычный бас.

Я поднял голову. Через ограду мне махал рукой моряк в черном бушлате. Едва я повернул к нему голову, как моряк тотчас сбросил мне веревку. Ее конец плюхнулся в воду прямо перед моим лицом. Я вцепился в нее, что было сил и стараясь при этом не выпустить юношу.

— Тащи! — крикнул я.

На самом деле у меня получился не крик, а какой-то всхрип, но меня услышали. Веревка натянулась. Нас с юношей буквально выдернули из воды и мигом вознесли наверх. Я поначалу подумал, что матрос не иначе как Илья Муромец, однако тот оказался просто расторопным малым, успевшим привлечь на помощь еще троих прохожих.

Один из них подскочил слева и, схватив юношу под руки, выволок его на твердую землю. У меня еще хватило сил выползти самому, хотя на этом они и закончились. От холода уже зуб на зуб не попадал. Юноша по-прежнему не подавал признаков жизни. Барышня

с криком бросилась ему на грудь. Она тормозила беднягу, называла по имени — Андреем — и ругала на чём свет стоит за то, что он, зараза такая, надумал покончить жизнь самоубийством. Юноша не отвечал.

Вокруг, как водится, невесть откуда появились зеваки. Они словно бы выпали с неба вместе с последними каплями дождя. Солидный мужчина в черном костюме принес мою одежду и помог мне натянуть ее. Притопал тот самый городской, что дежурил у Гостиного двора — с его комплекцией глагол «прибежал» был бы абсолютно неуместен — и, грозно покрикивая, быстро оттеснил зевак.

— Надо послать за доктором, — предложил кто-то из них.

— Послали уже, — отозвался сердитый бас.

И верно.

— Пропустить! — прокаркал кто-то за спинами зевак. — Пропустить! Все пропустить! Врач!

Этот голос был мне хорошо знаком. Он принадлежал доктору Азенбергу. Сам доктор был из немцев и носил двойное имя — Клаус Франц, однако в Кронштадте, так уж повелось, к нему обращались Клаус Францевич.

На самом-то деле у батюшки нашего доктора тоже было двойное имя — Лев Альберт. Именно так! И вот попробуйте-ка выговорить: Клаус Франц Львович Альбертович. Тут и язык сломать недолго. Вот у нас все и переиначили. Доктор давно привык и нисколько не обижался. Тем более что у них, в Германии, величать по отчеству и вовсе было не принято.

Зеваки расступились, пропуская доктора, и вновь сомкнули ряды за его спиной.

— Барышня, пропустить врач, — попросил доктор.

Она даже головы не повернула. Городовой попытался тактично отстранить ее от тела, да куда там?! Барышня вцепилась намертво. У доктора тут и вовсе не было ни единого шанса. Маленький и жилистый, он, если бы не седая бородка клинышком, вполне сошел бы

за подростка. Мне же лично Клаус Францевич больше напоминал оголодавшего гнома. Его неизменный темно-синий камзол, по словам доктора, считался невероятно модным в Германии. Считался, по крайней мере, когда Клаус Францевич был еще молод, но, вообще-то, с тех пор много воды утекло.

— Барышня, пропустить! — снова прикрикнул доктор.

Он опустил рядом с юношей на колени, не обращая внимания, что оказался прямо в луже, однако свой саквояж поставил туда, где посуше. Барышня продолжала тормошить утопленника.

— Ладно, будет! — строго прикрикнул на нее моряк.

Та удивленно подняла голову. Моряк приобнял ее за плечи и отстранил от тела.

— Вот так вот, — уже тише и куда добрее сказал он.

Доктор незамедлительно склонился над юношей. Зеваки подались поближе. Городовой прикрикнул на них, и те отпрянули обратно. Пока Клаус Францевич колдовал, моряк, аккуратно свернув веревку в кольцо, протянул ее мне:

— Ваша? — спросил он.

Я отрицательно помотал головой.

— Где вы ее взяли?

— Да вон, прямо тут на углу валялась, — моряк махнул рукой туда, где канал делал поворот. — Я еще подумал: как кстати. Прямо по размеру, да и крепкая, не гниль какая-нибудь. Не иначе, ваш ангел сегодня не дремал на посту.

В ответ я смог только кивнуть.

— Авось обронил кто, — заметил городовой. — Сегодня торговля рассуетилась спозаранку.

— Ну, тогда ищите, чья пропажа, — ответил моряк, отдавая ему веревку. — А у меня, извините, служба.

Он лихо козырнул на прощание и так быстро исчез за толпой, словно растаял в воздухе. Я же чувствовал, что превращаюсь в ледяной памятник самому себе.

Доктор медленно поднял голову.

— Ну что там, Клаус Францевич? — простучал я зубами.

Как морзянку отбарабанил. Барышня моментально умолкла, вся обратившись в слух.

— Я сказать плохой новость, — вздохнул доктор. — Он умирать. Вы, Ефим, должен греться. Быстро! Иначе будет еще одна плохая новость. Тут я не могу помогать. Простите.

Последнее было обращено к барышне. Она медленно кивнула, стоически воспринимая «плохой новость», но не удержалась и спрятала лицо в ладонях. Я набросил ей на плечи свой плащ. Холодный ветер тотчас грубо напомнил, сколь непрактично благородство. Его подержал доктор, велел мне незамедлительно убираться куда-нибудь в теплое место. То есть велел, конечно, со всей своей немецкой тактичностью, но суть была именно таковой.

— Иначе быть вам, Ефим, полный каюк! — пообещал он.

Надо сказать, тут я с ним был полностью согласен.

ОТ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ до полицейского отделения было рукой подать. Не прошло и десяти минут, как я, переодевшись в сухое, сидел в начальственном кабинете. В углу пыхтел самовар, а Вениамин Степанович самолично заваривал нам чай.

Это дело он никому не доверял. Только один раз, сразу по приезде, Вениамин Степанович отведал чаю, который специально для него заварил наш вечный дежурный Семён. Приличный чай, кстати. Я себе домой такой же покупаю. Однако едва Вениамин Степанович сделал первый глоток, в воздухе запахло грозой. Во взгляде инспектора отчетливо читалось: «Если вы рассчитывали вытурить меня из Кронштадта вот этой вот пакостью, то вы, братцы, сильно просчитались». Впрочем, тогда гроза прошла стороной, но с тех пор

Вениамин Степанович заваривал чай самостоятельно. Покупал он его, кстати, тоже сам, у китайцев в Гостином дворе. Причём за такие баснословные деньги, что по мне, так они еще должны были поднести инспектору фарфоровый сервиз, а не просто кланяться с хитрющими улыбками на физиономиях!

— Итак, что там стряслось, Ефим? — спросил Вениамин Степанович, когда священнодействие — иначе процесс заваривания чая в его исполнении никак нельзя было назвать — завершилось, и он поставил передо мной кружку. — Пейте и рассказывайте. В таком порядке.

— Спасибо, — сказал я и осторожно отхлебнул.

Чай был горячий, но уже не кипятком, и у него был странный привкус. Из кружки ощутимо тянуло паленым. А ведь китайцы знали, кому чай отпускали. Семен их сразу предупредил, кто их важный покупатель и чем это может для них кончиться, так что вряд ли они осмелились бы столичному инспектору какую-нибудь дрянь втюхать.

Я сделал еще глоток, решил, что на вкус всё-таки неплохо, даже оригинально, и сказал:

— Да, в общем, рассказывать толком нечего, Вениамин Степанович. Когда я появился, бедняга уже тонул, и спасти его, увы, не удалось.

В этом была вся суть, но инспектору подавай детали: кто где стоял, что делал, что говорил. Я понимаю, в сыском деле всякая мелочь должна быть на своем месте, но не раздувать же ради этого из мухи слона! Вот скажите на милость, какая, к примеру, разница: «спасите» или «скорее» кричала барышня? Я, пока подробно изложил всю историю, успел обсохнуть и допить чай.

— Хорошо, Ефим, — сказал инспектор. — Последний вопрос. Почему он тонул?

Я даже не сразу нашелся, что ответить. Вроде бы это было абсолютно очевидно.

— Так вода холоднющая, Вениамин Степанович. Руки-ноги светло, и привет. Да и пловец из него, прямо скажем, неважный. Барахтался кое-как, да и только.

— Это объясняет, почему он утонул, — недовольно проворчал инспектор. — А вот почему он вообще в канале оказался?

— Наверное, он — самоубийца, — ответил я.

— Наверное? — строгим тоном переспросил инспектор.

— Барышня ругала его как самоубийцу, — сказал я. — Но действительно ли он сводил счеты с жизнью или так она оценила его идею искупаться — тут я сказать не берусь. В любом случае случайно он в канал упасть не мог. Там решетка. Дырявая, правда, но не настолько, чтобы ее не заметить. К тому же он разделся. Значит, собирался прыгать.

— Скорее всего, — согласился инспектор. — Но, возможно, у него были для этого какие-то другие причины.

— Например, барышня, — усмехнулся я. — Которая решила избавиться от настойчивого кавалера и перебросила его через двухметровую решетку.

— Как версия, это вполне допустимо, — неожиданно согласился инспектор. — Но в ней, Ефим, есть два изъяна: слабый мотив и слабая физическая подготовка самой барышни. Она не смогла бы перебросить через решетку даже такого, как наш утопленник. Если только заставила самого перелезть. Вы не заметили у нее в руках, к примеру, пистолет?

— Нет. Да не она это, Вениамин Степанович, — вступился я за девушку. — Стала бы она тогда на помощь звать?

Инспектор покачал головой.

— Ну, звала-то она, положим не слишком активно, — сказал он. — Другая бы на ее месте сиреной завывала.

— Главное, дозвалась, — возразил я. — Всего одним криком, можно сказать.

— Да, это важно, — согласился инспектор. — Но это не объясняет, почему юноша оказался в канале? Почему, Ефим?

Его указательный палец, как револьвер, нацелился на меня, требуя незамедлительного ответа. Вот так с ходу у меня была только версия о самоубийстве.

— Не иначе, умом тронулся, — сказал я.

Инспектор сложил пальцы домиком и задумчиво уставился поверх них на свою кружку с чаем. Она у него была достойна особого внимания: размером с пивную, из синего фарфора с золотым узором. Если повернуть ее к себе ручкой, то слева красовался герб Российской империи, а справа — императорский вензель. По слухам, это был подарок от самого государя.

— Положим, ум — потеря серьезная, — констатировал инспектор. — Действительно, есть о чём сожалеть. Опять же, без него глупости всякие легче совершаются. А с чего он так вдруг умом тронулся, вы, конечно, не знаете?

Я пожал плечами.

— Тогда спросите у свидетельницы, — сказал инспектор. — Где там, кстати, эта красавица?

— В приемной, — ответил я. — Семен ей обещал найти что-нибудь накинуть на плечи. Она тоже малость промокла под дождем.

— Вот как? — произнес инспектор. — Хорошо, зовите ее сюда.

Не успел я подняться со стула, как в дверь постучали и в кабинет заглянул Семен. Высокий, на голову выше меня, франтоватый и всегда одетый с иголочки, сейчас он более всего напоминал кота в самом конце марта. Глаза потухли, лапы заплетались и только грудь исключительно по привычке колесом. В руках Семен держал объемистый сверток и пару сапог.

— Ну что там барышня? — сразу осведомился инспектор.

— Плачет, Вениамин Степаныч, — ответил Семен. — Сейчас в приемной потоп будет почище чем на улице.

— Только этого не хватало, — проворчал инспектор и отхлебнул чаю: — Что-нибудь по делу есть?

— Так точно, — ответил Семен. — Наш утопленник — Золотов Андрей Викторович, шестнадцати лет отроду, уроженец Нижегородской губернии. Барышня — его родная сестра Маргарита Викторовна. Из других родственников — дядя, он же отчим Золотов Артём Поликарпович. Имеет какую-то третьеразрядную торговлю в Кронштадте. Вот... Тело, как вы распорядились, доставили к нам в холодную, а это вот его вещи.

Семен положил на мой стол сверток, а сапоги поставил рядом.

— Есть что-нибудь интересное? — осведомился инспектор.

— Виноват, Вениамин Степаныч, не смотрел, — ответил Семен.

— Ефим, посмотрите, — сказал инспектор.

Я развернул вещи утопленника на столе. На первый взгляд, тут было всё, что я успел заметить у ограды. Поиск по карманам принес мне серый конверт из парусины. Внутри оказался лист плотной бумаги, сложенный вчетверо. От воды он несколько не пострадал.

На листе был карандашный рисунок, выполненный, надо сказать, с немалым мастерством. Я сразу узнал Андреевский собор и угол канала, где недавно искупался. Над каналом, именно там, где утонул этот Золотов, возвышалась гигантская каменная арка. Мне сразу показалось, будто бы я ее где-то видел, но никак не мог вспомнить, где именно. По крайней мере, не у собора точно. Ничего подобного там не было.

Под рисунком черными чернилами была сделана надпись:

Максимальная сила седьмого октября.

Буквы были такие мелкие и угловатые, что я поначалу принял их за орнамент. Сама же надпись мне ни

о чем не говорила. Семену тоже, а вот инспектор сразу нахмурился. Обратная сторона листа была чистой.

— Это всё? — спросил инспектор. — Ни денег, ни документов, ни предсмертной записки?

— Нет, больше ничего, — ответил я.

— Что ж, придется работать с тем, что есть, — вздохнул инспектор. — И, кстати, я хочу сразу обратить ваше внимание на дату.

— Сегодняшняя, — отозвался я. — Может быть, имелась в виду буря этой ночью? Если он собирался топиться, то у него были все шансы сделать это даже не прыгая в канал.

— Но он туда прыгнул, — возразил инспектор. — Причем уже после того, как прошла буря. Это, Ефим, делает вашу версию несостоятельной.

Других предположений у меня не было. Должно быть, это отразилось на моем лице, поскольку инспектор нахмурился и покачал головой.

— Мне это представлялось очевидным, — сказал он. — Впрочем, ладно, это не самая важная деталь. Собразите по ходу расследования.

Последняя фраза со всей очевидностью подразумевала, что расследование предстоит проводить именно мне. Так оно и оказалось.

РАССЛЕДОВАНИЕ Я НАЧАЛ со знакомства с Маргаритой Викторовной. Теперь, наконец, у меня была возможность рассмотреть ее как следует.

Барышня была очень худенькой и очень красивой. В белом платье, с прекрасным лицом и ореолом золотистых волос она казалась мне ангелом. Старый пуховый платок на ее плечах, который Семен раздобыл не иначе как в чулане, топорщился в разные стороны, будто оципанное крылья, но барышню это не портило. Даже напротив, прямо-таки взывало выступить на ее защиту.

Когда Семен пригласил барышню в кабинет, инспектор любезно предложил ей чаю. Она отказалась.

Инспектор кивнул и погрузился в бумаги, всем своим видом давая понять, что всё последующее ему совсем не интересно. Я придвинул стул для посетителей к своему столу.

— Сюда, пожалуйста, — пригласил я.

Барышня едва заметно кивнула и опустилась на самый краешек стула.

— Я, наверное, должна вам всё рассказать, — почти прошептала она.

— Должны, значит, расскажете, — уверенно объявил я. — А мы вас внимательно выслушаем.

На моем столе лежала карта Кронштадта, расчерченная подробнейшей схемой ночной засады. Я убрал ее с глаз долой. Затем вынул из ящика бумагу, перо и чернильницу.

— Я... — начала барышня и запнулась, неуверенно посмотрев на меня.

— Ах да, простите, — спохватился я. — Ефим Родионович Кошин, агент сысской полиции. Ваше имя, Маргарита Викторовна, мне известно. Я буду заниматься вашим делом... то есть делом вашего брата, так что рассказывайте всё смело и без утайки.

Барышня послушно закивала. В ее руках появился кружевной платочек. Я даже не заметил, откуда она его вытащила. Не иначе, из рукава. Промокнув глаза, она уже увереннее обратилась ко мне.

— Я должна сразу поблагодарить вас, Ефим Родионович...

— Вы, Маргарита Викторовна, как-то слишком легко делаете долги, — заметил я. — Давайте-ка по порядку. Как случилось, что ваш брат оказался в канале?

— Он прыгнул туда, — тихо ответила барышня.

— Почему?

— Боюсь, Андрей решил покончить с собой, — последовал печальный ответ. — Он к этому давно шел. Я, конечно, присматривала за братом, но...

— Да, финал я видел, — сказал я. — И что же его толкнуло на такой шаг?

Барышня замялась.

— Нехорошо, конечно, за глаза плохо говорить про людей, — неуверенно сказала она. — Только вот по-другому мне и сказать нечего будет, — тут она сделала паузу, после чего всё-таки решилась и выпалила единым духом: — До самоубийства Андрея довел наш дядя.

— Вот как? — удивился я.

— Наверное, мне лучше рассказать всё с самого начала, — всхлипнула барышня.

— Похоже, так будет лучше, — согласился я.

Барышня снова вздохнула, после чего начала рассказывать:

— Мы сами из Нижнего Новгорода. Четыре года назад наши родители погибли. Утонули. Говорят, это был несчастный случай. Лодка перевернулась. Нас с Андреем люди вытащили, а больше никого. До сих пор помню этот ужас.

— Он имеет отношение к нынешнему делу? — уточнил я.

Плохих воспоминаний ей сегодня и без трагедий детства хватало.

— Ее брат тоже утонул, — подсказал Семен.

Барышня подарила ему благодарный взгляд.

— Спасибо, Семен, — прошептала она. — Да, наверное, я начала слишком издалека. Но тут я должна рассказать вам про завещание отца, а без него, то есть без его гибели, наверное, рассказ будет неполным.

— Достаточно указать сумму завещания, — сказал я.

— Двести пятьдесят тысяч, — легко ответила барышня. — По крайней мере, в такую сумму оценили коммерцию отца.

Я тихо хмыкнул. Что и говорить, деньги не маленькие. Пару недель назад в Петербурге налетчики взяли баню штурмом, со стрельбой из револьверов, а там в кассе всего пятьдесят рублей было. Ради четверти

миллиона, наверное, и тяжелую артиллерию подтянули бы.

— И кому всё это богатство завещано? — спросил я.

— Отец всё оставил дяде, — последовал ответ. — Но там есть несколько условий. Дядя должен был заботиться о нашей маме, а в случае ее смерти... — тут барышня запнулась, но быстро совладала с собой. — О нас с братом. Сразу после похорон дядя продал дело отца, а нас усыновил и привез в Кронштадт.

— Ясно, — сказал я. — Дальнейшая судьба этих денег вам известна?

Барышня опять закивала. Прямо как китайский болванчик, что стоял у инспектора на столе.

— Да, знаю, — произнесла она. — Большую часть денег дядя вложил в свое предприятие, а пятьдесят тысяч положил в банк под процент. Это, Ефим Родионович, наши с Андреем деньги. Я не сказала вам? По завещанию, когда нам с братом исполнится восемнадцать лет, дядя должен каждому из нас выплатить по двадцать пять тысяч. Как написал отец, чтобы мы могли устроиться в жизни. Я этого не видела, но Андрей читал завещание. Он на юриста учится... учился, так что разбирался в этих делах.

Она поникла и закрыла лицо платком. Ее плечи задрожали. Я, честно говоря, малость растерялся. Это мокрое дело совсем не по моей части. В таком у нас Семен специалистом слыл. Надо отметить, не зря он таковым считался. Всего несколько фраз, переполненных участием, но не отягощенных смыслом, помогли барышне взять себя в руки.

— Итак, Маргарита Викторовна, продолжим, — спокойно, как будто ничего и не было, прознес я. — Даже пятьдесят тысяч — сумма серьезная. Тут возможны любые варианты. Простите за нескромный вопрос, вам когда исполняется восемнадцать лет?

— Через две недели, — ответила барышня. — В завещании был пункт, что если я выйду замуж раньше, то

эти деньги должны быть сразу же выплачены в качестве приданого.

— А вы собираетесь замуж? — спросил я.

— Если бы нашелся достойный человек, — тут она глянула на меня поверх платка и снова спрятала глаза за ним, — тогда, конечно, собралась бы. Только не думаю, что дядя бы это одобрил. Он считает, что с женьитьбой никогда не следует торопиться, а без его одобрения я замуж выйти не могу.

Вообще-то, конкретно по этому пункту я с ее дядей был полностью согласен, но вслух говорить этого, конечно, не стал.

— Хм... — протянул я. — Скажите, а что за человек ваш дядя?

Барышня вздохнула, глядя в пол.

— Наверное, я должна вам сказать, что характер у него тяжелый, — ответила она. — Даже слишком. Он вообще человек суровый, чуть что не по нему, сразу в крик. А в последние дни вообще как с цепи сорвался. Я лишний раз боюсь ему на глаза попадаться. С Андреем они постоянно ругались. Вчера так кричали друг на друга, что их, наверное, на улице слышно было.

— По поводу чего?

— Из-за денег.

Дальше со слов барышни нарисовалась банальная история. Купец сверх прочих недостатков оказался человеком прижимистым, если не сказать больше. Какие-то средства он детям выделял на расходы, но этого было мало даже в тринадцать лет, а теперь и вовсе казалось сущими крохами. Как сказала барышня: «Расходы в этом возрасте чуть-чуть другие».

Просьбы о повышении содержания, как правило, заканчивались скандалами, а то и побоями. Андрей стал поигрывать в карты, надеясь хоть так поправить свое финансовое положение, но без особых успехов. Семен на это проворчал, что лучше бы он нашел себе работу или службу какую.

— Так мы работали, — возразила барышня. — Я в лавке товар продавала, Андрей бумагами занимался, но дядя нам ни копейки не платил. Говорил, что это, мол, семейное дело, мы и так на себя работаем. Когда он помрет, нам же больше останется. Только он по-прежнему живой, а вот Андрея уже нет.

Семен покачал головой. Мое мнение о купце тоже упало до весьма низкой отметки. Больше, чтобы отвлечь барышню от неприятной темы, чем с каким-то прицелом, я развернул найденный в кармане утопленника лист бумаги.

— Откуда это у вас?! — вскинулась барышня.

— Нашли в кармане вашего брата. Я так понимаю, композиция вам знакома.

Барышня кивнула.

— Я могу это забрать? — прошептала она. — Как память о брате.

— Конечно, Маргарита Викторовна, но чуть позже, — ответил я. — Вначале расскажите, что это за рисунок?

Барышня ненадолго задумалась. Потом спросила:

— Вы, конечно, слышали легенду о Петровской арке?

— Вообще-то, нет, — не стал лукавить я.

— Ну, нам Мартын рассказывал, — начала барышня. — Простите, не знаю, как его по батюшке. У него заведение неподалеку от нашего магазина, оно «У Мартына» называется.

— Знаю, — кивнул я. — Только я бы не стал верить на слово всему, что он рассказывает. Хотя легенда есть легенда. Как я понимаю, речь в ней шла вот об этой конструкции?

Я постучал указательным пальцем по рисунку.

— Да, Ефим Родионович, — кивнула барышня. — Это Петровская арка. Точнее, маяк в виде арки. Его царь Петр построить хотел, но не успел.

На этот раз для разнообразия кивнул я, сообразив, наконец, о чём шла речь. Про задумку Петра Великого

построить маяк в виде огромной арки, под которой корабли проходили бы в Кронштадт, я слышал. Даже видел: в Морском собрании гравюра висела. Правда, особенно я ею не заинтересовался, а потому и не припомнил сразу. Да и сходство было не полным. Арка на гравюре демонстрировала размах замысла, тогда как на рисунке, который я держал в руках, она робко втискивалась в отведенный ей объем.

Однако если из-за каждого замысла Петра Великого в канал бросаться, то в нём от утопленников будет не протолкнуться. У него этих замыслов было столько, что потомкам на полвека хватило и еще осталось. Эта арка относилась к тому, что осталось. Не потянул бюджет российский такую задумку, хотя, согласен, было бы красиво.

— Мартын сказал, что увидеть эту арку может только по-настоящему заблудший человек, — продолжила свой рассказ барышня.

— И ваш брат считал, что это он и есть? — уточнил я.

В ответ снова последовал кивок.

— Да. Он к тому времени к картам всерьез пристратился, каждую неделю ходил играть. А в легенде сказано, что если проплыть под аркой, то заблудший непременно найдет правильный путь. Маяк укажет. Вы, Ефим Родионович, только не думайте, что я — сумасшедшая. Я сама в это не верила. Но Андрей верил.

— Да, это важно, — процитировал я недавнюю фразу инспектора.

Барышня опять кивнула, прежде чем рассказывать дальше. По ее словам, за последний месяц брат ей все уши прожужжал об этой арке. Мол, если бы он только смог проплыть под ней, то тогда бы не только карты забросил, но и вообще бы со всеми проблемами расквитался, и стал бы приличным человеком. Дядя его, понятное дело, всецело в этом поддерживал.

— Бесовщина какая-то, — проворчал Семен себе под нос.

Барышня кивнула и, вздохнув, развела руками. Мол, ну а я то что могла тут поделывать?

— М-да, история, — протянул я. — Стало быть, Маргарита Викторовна, ваш брат основательно загорелся идеей проплыть под этой аркой. С целью, скажем так, обрести правильный путь в жизни и всякие другие бла-га, какие за этот подвиг полагались. Так?

В ответ последовал еще один кивок и новая порция истории семьи Золотовых. Рисунок этот барышня видела по случаю, а вот приписку снизу — нет, и что она означала, Маргарита Викторовна не знала. Скорее всего, что в указанный период толку от арки должно было быть больше, чем обычно, но Маргарита Викторовна не поручилась бы за это. Саму картинку утопленник при жизни хранил в своем дневнике, и барышня подумать не могла, что он возьмет ее с собой.

— Ну, так я полагаю, он-то думал, что не топиться идет, — заметил я. — Проплывет под аркой, и выплывет напрямиком в лучшую жизнь.

— Ага, — кивнула барышня. — Только он плавать не умел. Это настоящее самоубийство было, но он же упертый, как баран! Простите.

— Ничего.

Дальнейшее было очевидно. Излишне доверчивый, как сказала Маргарита Викторовна, Андрей сразу поверил в сказку, а регулярные скандалы с дядей только подогревали его решимость решить все проблемы одним заплывом. Барышня, справедливо опасаясь, что эта, как выразился Семен, бесовщина до добра не доведет, старалась как могла, присматривать за братом. До сегодняшнего утра ей это удавалось, но после вчерашней баталии с дядей, которую Андрей проиграл вчистую, он больше ничего не хотел слушать. Всё, что могла сделать Маргарита Викторовна — это побежать за ним, когда тот поутру выскользнул из дому. Даже одеться толком не успела.

— Дальше вы всё знаете, — закончила барышня.

— Не совсем, — возразил я. — Скажите, вы действительно видели нечто похожее на эту арку над каналом?

— Вообще-то нет. Но Андрей, конечно, видел, иначе бы не прыгнул...

— И тогда вы закричали, — подсказал я.

— Да, — вновь кивнула барышня. — И я вам очень благодарна за то, что пытались его спасти. Сама бы я, наверное, так и не решилась прыгнуть.

Я призадумался. В общем-то, всё мне в этом деле казалось ясным, за исключением одного вопроса: целенаправленно ли отчим доводил племянника до самоубийства или, что называется, не сошлись характерами? Лично я был склонен считать, что ближе к истине второй вариант. Это, впрочем, не отменяло необходимости вправить мозги распоясавшемуся купцу.

— Не волнуйтесь, Маргарита Викторовна, — объявил я. — Разберемся. Мы и не с такими делами разбирались.

Семен отобразил на лице необходимый минимум для сардонической ухмылки, однако барышня, конечно, не могла знать, что я на службе в сыскной полиции всего две недели и кража у Фроловых была моим первым самостоятельным делом.

— Я вам верю, Ефим Родионович, — прошептала она.

— Замечательно, — подытожил я. — Тогда вот как мы с вами поступим. Нужно оповестить вашего дядю, Артема Поликарповича, о смерти племянника.

— Я готова, — мужественно пообещала барышня.

— Могу составить компанию, — сразу предложил Семен. — Всякие переговоры — это по моей части.

«Барышня красивая по твоей части, — мысленно возразил я. — А тут дело серьезное».

— Идея хорошая, — произнес я вслух. — Но мне надо бы на месте осмотреться как следует. И еще. Маргарита Викторовна, у меня к вам будет просьба.

СОДЕРЖАНИЕ

КРОНШТАДТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

(роман).....5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Маяк Петра Великого7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Семейное дело80

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Самарский оборотень155

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Русалки239

ПОЮЩИЙ ИДАЛЬГО

(рассказы)323

ГЛАЗ ШАЙТАНА324

БЕСЦЕННЫЙ ФОЛИАНТ358

Читайте книги Издательского дома
«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Игорь МОСКВИН **«Убийство в Невском переулке»**

Новую серию классических детективов открывает роман об Иване Дмитриевиче Путилине — одном из величайших сыщиков Российской империи. Как писал А. Ф Кони: «В Петербурге в первой половине 70-х годов XIX века не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда».

Читайте книги Издательского дома

«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Томас ХАНШЕУ **«Человек из Скотланд-Ярда»**

Томас Ханшеу родился в Бруклине в 1857 году. С 16 лет играл в театре, сначала второстепенные роли, позже вместе с такими известными актрисами, как Клара Моррис и Аделаида Нейсон — главные. В 1892 году вместе с семьей переехал в Великобританию.

Известность Томасу Ханшему, как автору принесла серия книг о «человеке с тысячью лиц» Гамильтоне Клике, впервые появившемся в рассказах в 1895 году. Всего Томас написал более 150 романов.

Читайте книги Издательского дома
«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Константин ТУМАНОВ **«Петербургские трущобы»**

Всеволод Крестовский не раз называл Константина Туманова своим учителем и даже своему самому знаменитому роману дал почти то же название. Популярный в конце XIX века К. Туманов по словам В. Бонч-Бруевича «Заложил краеугольный камень российского детектива», однако после революции был забыт и в советское время практически не издавался.

Литературно-художественное издание

Олег Мушинский

КРОНШТАДТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Редактор А. Соловьев
Корректор А. Филимонова,
Компьютерная верстка Н. Лаптева
Дизайнер обложки А. Соловьева

Подписано в печать 20.06.2019. Формат 84×108/32
Печ. л. 14,5. Гарнитура «Bookman Old»
Тираж 1000 экз. Заказ

ИД «Флюид ФриФлай»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2
тел. +7 (985) 8000 366
fluidfreely.ru
e-mail: info@fluidfreely.ru

Интернет-магазин www.gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1,
www.chpd.ru,
тел. +7 (499) 270 7359

16+

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЕФИМ КОШИН

Олег Мушинский — современный российский писатель, работающий в жанре исторического и фантастического детектива. Лауреат премии «Электронная буква — 2018».

Действие «Кронштадтского детектива» происходит в начале XX века. Агенту сысшной полиции Ефиму Кошину предстоит раскрыть загадочные, на первый взгляд, даже мистические преступления, и раскрыть быстро. Из столицы прибыл инспектор Гаврилов, чтобы оценить эффективность работы сотрудников кронштадтского отделения сысшной полиции...

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN 978-5-906827-71-5

9 785906 827715